

Оботуров Владимир Анатольевич
Ставропольский колледж экономики и дизайна

Геостратегический индекс как показатель оценки пространственных преимуществ региона

Аннотация. В статье обосновывается необходимость количественной оценки геостратегического положения регионов и предлагается методика построения интегрального геостратегического индекса как инструмента измерения пространственных преимуществ и уязвимостей субъектов Российской Федерации. Показано, что закрепление в Стратегии пространственного развития России категории «геостратегические территории» не сопровождается формализованными критериями их выделения, что затрудняет обоснование дифференцированной региональной политики. На основе анализа теоретических представлений об экономико-географическом положении, концепций классической и критической геополитики, а также современных подходов к построению композитных индикаторов разработана шестикомпонентная структура индекса, включающая геополитический, транспортно-логистический, приморский, ресурсно-экономический, расселенческо-демографический субиндексы и субиндекс рисков и уязвимости. Описаны процедуры отбора показателей, нормирования, взвешивания и агрегирования, сформулированы требования к интерпретации результатов. Показано, что геостратегический индекс позволяет разделить положение региона на «выгодное» и «уязвимое» измерения, выявить регионы с высоким потенциалом, но недоиспользованными преимуществами, и служить основой для мониторинга эффективности мер государственной пространственной политики. Обозначены ограничения подхода и направления его дальнейшего развития.

Ключевые слова: геостратегический индекс, геостратегические территории, экономико-географическое положение, пространственные преимущества, пространственное развитие, композитный индикатор, региональная политика.

Oboturov Vladimir Anatolyevich
Stavropol College of Economics and Design

Geostrategic Index as an Indicator for Assessing a Region's Spatial Advantages

Annotation. The article substantiates the need for a quantitative assessment of the geostrategic position of regions and proposes a methodology for constructing an integral geostrategic index as a tool to measure the spatial advantages and vulnerabilities of Russian Federation constituent entities. It is shown that while the category of "geostrategic territories" is enshrined in Russia's Spatial Development Strategy, the lack of formalized criteria for their designation complicates the justification of differentiated regional policies. Drawing on an analysis of theoretical concepts regarding economic-geographic location, classical and critical geopolitics, and modern approaches to constructing composite indicators, a six-component index structure has been developed; this comprises sub-indices for geopolitics, transport and logistics, coastal location, resource-based economics, settlement and demographics, and risks and vulnerability. The procedures for indicator selection, normalization, weighting, and aggregation are described, and requirements for interpreting the results are outlined. The study demonstrates that the geostrategic index enables the classification of a region's position into "advantageous" and "vulnerable" dimensions, identifies regions with high potential but underutilized advantages, and serves as a basis for monitoring the effectiveness of state spatial policy measures. The limitations of the approach and directions for its further development are also identified.

Key words: geostrategic index, geostrategic territories, economic-geographic location, spatial advantages, spatial development, composite indicator, regional policy.

Пространственное положение региона традиционно рассматривается в экономической географии и региональной экономике как один из фундаментальных факторов его развития. Однако в течение длительного времени представление о «выгодности» или «невыгодности» положения оставалось преимущественно качественным, описательным, опирающимся на экспертные суждения о близости к рынкам, транспортным коридорам, морскому побережью, государственным границам. Между тем современный этап развития России характеризуется резким возрастанием роли геополитических и геоэкономических факторов, в силу чего положение региона в системе международных связей, транспортных сетей и зон военно-политической напряжённости превращается из «фона» развития в его непосредственную детерминанту.

Отражением этого сдвига стало появление в российской нормативно-правовой практике особой категории – геостратегических территорий. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р, определила геостратегическую территорию как территорию в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющую существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности страны, характеризующуюся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности. В документе были выделены приоритетные геостратегические территории (эксклавная Калининградская область, Республика Крым и г. Севастополь, субъекты Дальневосточного федерального округа, регионы Арктической зоны, Северо-Кавказского федерального округа) и приграничные геостратегические территории. Обновлённая Стратегия пространственного развития на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р) сохранила и развила эту категорию, расширив перечень приграничных геостратегических территорий с учётом новых субъектов Федерации.

Вместе с тем ни в первой, ни во второй Стратегии не были сформулированы формализованные, измеримые критерии отнесения региона к геостратегическим территориям, а тем более – процедуры оценки степени выраженности геостратегических свойств. Как отмечает О.В. Кузнецова, выделение геостратегических территорий в Стратегии носило во многом политический, а не аналитический характер, а сам перечень оказался внутренне неоднородным: в него попали регионы с принципиально различными проблемами и потенциалом [1]. Н.В. Зубаревич обращает внимание на то, что декларативное выделение приоритетов без инструментов измерения и мониторинга снижает управляемость пространственной политики [2]. П.А. Минакир подчёркивает, что стратегические документы пространственного развития склонны подменять анализ пространственных взаимодействий перечислением территориальных приоритетов [3].

Таким образом, в научной и управленческой практике сложилось противоречие: с одной стороны, геостратегическое положение признано важнейшим фактором развития и объектом государственной политики, с другой – отсутствует инструмент его количественной оценки, позволяющий сравнивать регионы, отслеживать динамику и оценивать эффективность принимаемых мер. Разрешению этого противоречия и посвящена настоящая статья.

Цель исследования – обосновать концепцию и методику построения геостратегического индекса как интегрального показателя оценки пространственных преимуществ (и уязвимостей) региона.

Методологической основой работы служат положения теории экономико-географического положения (Н.Н. Баранский, И.М. Маергойз), концепции «центр – периферия» и поляризованного пространства, классической и современной геополитики,

новой экономической географии, а также методология построения композитных индикаторов, разработанная в рамках ОЭСР и отечественной эконометрической школы.

Со второй половины XX века в рамках региональной науки сформировались модели, придающие пространственному положению строгую количественную интерпретацию. Гравитационные модели и модели потенциала рынка позволили измерить «доступность» региона как взвешенную по расстоянию сумму экономических масс соседей. Новая экономическая география П. Кругмана показала, что при наличии возрастающей отдачи и транспортных издержек пространственная концентрация экономической деятельности самоусиливается, а положение относительно крупных рынков становится решающим фактором притяжения фирм и населения. Другими словами, преимущества положения обладают кумулятивным характером: центры притягивают, периферия теряет.

В отечественной литературе значительный вклад в изучение пространственной неоднородности внесли работы А.Г. Гранбергa, обосновавшего многорегиональный подход к анализу экономического пространства [4], А.И. Трейвиша, исследовавшего многомасштабность центрo-периферийной структуры России [5], и Б.Б. Родомана, предложившего концепцию поляризованного ландшафта и анализировавшего влияние сетевых структур на организацию территории [6]. О.В. Кузнецова систематизировала факторы социально-экономического развития регионов, отделив объективные (в том числе положение) от субъективных, связанных с качеством управления [7].

Если экономическая география описывает отношение региона к экономическим «данностям», то геополитическое положение характеризует его отношение к центрам силы, зонам конфликтов, военно-политическим союзам и барьерам. В.А. Колосов и Н.С. Мироненко систематизировали геополитические подходы и обосновали необходимость сочетания традиционного и критического прочтения геополитики [8]. Значимым направлением стало изучение функций государственных границ – барьерной, контактной, фильтрующей – и их динамики; исследования показали, что степень барьерности границы существенно меняет потенциал приграничного положения региона.

Появление категории «геостратегические территории» в Стратегии пространственного развития 2019 года стало, по существу, первым официальным признанием того, что положение региона в пространстве является самостоятельным основанием для дифференциации государственной политики. Однако научная критика Стратегии выявила ряд принципиальных недостатков.

Во-первых, перечень геостратегических территорий формировался на основании качественных признаков – эксклавности, приграничности, принадлежности к Арктической зоне или Дальнему Востоку, – без оценки степени выраженности этих признаков и без учёта их сочетаний. В результате в одну группу «приграничных геостратегических территорий» попали регионы с принципиально разным характером границ: от границы с союзной Белоруссией до границ с государствами НАТО.

Во-вторых, не было предусмотрено механизма мониторинга геостратегических свойств: положение региона рассматривалось как константа, тогда как события 2014 и особенно 2022 годов продемонстрировали, что геополитическая конфигурация может измениться радикально за короткий срок, превратив «контактную» границу в «барьерную», а транзитный коридор – в тупик.

В-третьих, Стратегия не установила связи между статусом геостратегической территории и конкретными инструментами поддержки, что придало категории во многом декларативный характер [9].

В научной литературе предпринимались попытки оценки отдельных аспектов геостратегического положения. Так, в рамках исследований экономической безопасности приграничных регионов разрабатывались системы индикаторов, учитывающих внешнеторговую зависимость, транзитные функции, миграционную нагрузку. Изучались показатели транспортной доступности, барьерности границ, приморского положения. Однако интегрального инструмента, позволяющего свести разнокачественные характеристики

положения в единую шкалу и сопоставить регионы между собой, до настоящего времени не сложилось.

Между тем методология построения композитных индикаторов хорошо разработана. Руководство ОЭСР по конструированию композитных индикаторов систематизирует этапы их создания – от теоретической рамки и отбора показателей до нормирования, взвешивания, агрегирования и анализа чувствительности. В отечественной науке методология интегральных индикаторов качества жизни и социально-экономического развития развита в работах С.А. Айвазяна [10]. Для определения весов широко применяется метод анализа иерархий Т. Саати [11]. Эти инструменты позволяют перевести качественные представления о геостратегическом положении в измеримую форму.

Под геостратегическим индексом региона (ГСИ) предлагается понимать интегральный композитный показатель, характеризующий совокупность пространственных преимуществ и уязвимостей региона, обусловленных его положением относительно государственных границ, центров экономической активности, транспортных коридоров, морских акваторий, зон геополитической напряжённости и природно-ресурсных ареалов, с учётом внутренних условий реализации этого положения.

Ключевая особенность предлагаемого подхода состоит в том, что геостратегическое положение рассматривается как двумерное: оно одновременно является источником *преимуществ* (потенциал контактности, транзита, доступа к морю, международного сотрудничества) и источником *уязвимостей* (барьерность границ, зависимость от транзита через другие государства, близость к очагам конфликтов, удалённость от основной территории страны). Одно и то же свойство – например, приграничность – может относиться и к первому, и ко второму измерению в зависимости от характера границы. Это обстоятельство требует раздельного измерения и последующего сопоставления двух измерений, а не простого их сложения.

Построение индекса основывается на следующих принципах:

1. Теоретическая обоснованность – каждый компонент индекса соответствует определённому аспекту положения, выделенному в теории ЭГП и геополитики.
2. Относительность – показатели измеряют положение региона относительно других регионов страны, а не в абсолютных величинах; индекс имеет смысл только в сравнительном контексте.
3. Динамичность – состав и значения показателей должны допускать регулярный пересчёт для отражения изменений геополитической и геоэкономической конфигурации.
4. Разделение потенциала и его реализации – индекс фиксирует прежде всего условия положения (потенциал), а степень их использования оценивается отдельно через сопоставление с показателями развития.
5. Прозрачность и воспроизводимость – использование преимущественно открытых статистических данных, явно заданных процедур нормирования и весов.
6. Управленческая интерпретируемость – результаты должны быть пригодны для обоснования дифференцированных мер региональной политики.

Геостратегический индекс формируется из шести субиндексов, каждый из которых отражает определённый аспект положения региона (Таблица 1).

Таблица 1 – Структура геостратегического индекса региона

Субиндекс	Содержание	Измерение
I ₁ – Геополитический	Характер и протяжённость государственных границ, статус соседних государств, вовлечённость в международные объединения, наличие военно-стратегических объектов	Преимущества / уязвимости

I ₂ – Транспортно-логистический	Положение относительно международных транспортных коридоров, магистралей, портов, аэропортов; транспортная доступность центров страны; зависимость от транзита через иные государства	Преимущества / уязвимости
I ₃ – Приморский (талассогеографический)	Наличие морского побережья, его протяжённость, незамерзаемость акваторий, портовые мощности, выход к мировому океану, морская исключительная экономическая зона	Преимущества
I ₄ – Ресурсно-экономический	Положение относительно крупных рынков (потенциал рынка), природно-ресурсных ареалов, энергетической инфраструктуры; внешнеторговая контактность	Преимущества
I ₅ – Расселенческо-демографический	Плотность и устойчивость расселения, доля городского населения, миграционная привлекательность, положение относительно крупных агломераций	Преимущества / уязвимости
I ₆ – Рисков и уязвимости	Удалённость от основной территории страны (эксклавность, островность), близость к зонам конфликтов, барьерность границ, зависимость от внешних поставок, санкционная экспозиция	Уязвимости

Первые пять субиндексов в совокупности характеризуют потенциал положения, шестой – уязвимость положения. Раздельный расчёт двух блоков позволяет получить не одно число, а позицию региона в двумерном пространстве «потенциал – уязвимость», что существенно расширяет аналитические возможности.

Для каждого субиндекса отбирается набор частных показателей, отвечающих требованиям измеримости, доступности данных, дискриминирующей способности (различия между регионами) и содержательной значимости. Поскольку частные показатели измеряются в различных единицах, они подлежат приведению к безразмерной шкале. Рекомендуется линейное нормирование методом «минимум – максимум», при котором для показателей-стимуляторов (рост значения улучшает положение):

$$\tilde{x}_{ij} = (x_{ij} - \min x_j) / (\max x_j - \min x_j),$$

а для показателей-дестимуляторов (рост значения ухудшает положение):

$$\tilde{x}_{ij} = (\max x_j - x_{ij}) / (\max x_j - \min x_j),$$

где x_{ij} – значение j -го показателя для i -го региона; $\min x_j$, $\max x_j$ – минимальное и максимальное значения показателя по совокупности регионов. Нормированные значения лежат в интервале от 0 до 1.

Для показателей с выраженной асимметрией распределения (например, грузооборот портов, где несколько регионов формируют подавляющую часть значений) целесообразно предварительное логарифмирование либо использование ранговых преобразований, что снижает влияние экстремальных значений. Для балльных экспертных оценок нормирование осуществляется делением на максимальный балл шкалы.

Важным методическим решением является разделение показателей на группы, входящие в блок потенциала (I₁–I₅) и блок уязвимости (I₆). В блоке уязвимости все показатели интерпретируются как дестимуляторы для итогового положения, однако при расчёте самого субиндекса I₆ они нормируются как стимуляторы уязвимости: чем выше значение субиндекса, тем более уязвимо положение региона.

Субиндексы рассчитываются как взвешенная сумма нормированных частных показателей:

$$I_k = \sum_j w_{kj} \cdot \tilde{x}_{ij}, \text{ при } \sum_j w_{kj} = 1,$$

где w_{kj} — вес j -го показателя в k -м субиндексе.

Веса показателей внутри субиндекса на первом этапе целесообразно принимать равными, что соответствует принципу «отсутствия априорного предпочтения» и упрощает интерпретацию. Для определения весов субиндексов в интегральном показателе рекомендуется использовать метод анализа иерархий Т. Саати, основанный на попарных сравнениях, проводимых группой экспертов — специалистов в области региональной экономики, экономической и политической географии, государственного управления. Согласованность экспертных суждений проверяется через индекс согласованности; при его превышении допустимого уровня (0,1) процедура сравнений повторяется.

Индекс потенциала положения (ИПП) рассчитывается как взвешенное среднее пяти субиндексов:

$$\text{ИПП} = \sum_{k=1}^5 v_k \cdot I_k, \text{ при } \sum v_k = 1.$$

Индекс уязвимости положения (ИУП) равен субиндексу I_6 :

$$\text{ИУП} = I_6.$$

Интегральный геостратегический индекс может быть представлен в двух формах.

Аддитивная форма:

$$\text{ГСИ} = \text{ИПП} - \lambda \cdot \text{ИУП},$$

где λ — коэффициент значимости уязвимости (в базовом варианте $\lambda = 0,5$, что отражает представление о том, что уязвимость снижает, но не аннулирует потенциал положения). Значения ГСИ в этом случае варьируют в интервале от $-0,5$ до 1.

Индекс потенциала положения характеризует условия, а не результат. Для оценки того, насколько регион использует свои пространственные преимущества, предлагается сопоставлять ИПП с индексом социально-экономического развития (ИСЭР), построенным по стандартному набору показателей (ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал, реальные доходы населения, миграционный прирост). Разность или отношение этих величин образует коэффициент реализации положения:

$$\text{КРП} = \text{ИСЭР} / \text{ИПП}.$$

Регионы с КРП существенно ниже единицы обладают недоиспользованным потенциалом положения — и именно они представляют наибольший интерес для пространственной политики, поскольку инвестиции в снятие ограничений (инфраструктурных, институциональных, геополитических) могут дать здесь наибольшую отдачу. Регионы с КРП выше единицы развиваются за счёт факторов, не связанных с положением (ресурсная рента, столичные функции), и их развитие в меньшей степени зависит от пространственной политики.

Геостратегический индекс может использоваться в нескольких взаимосвязанных областях.

В стратегическом планировании он способен служить формализованным основанием для выделения и ранжирования геостратегических территорий при актуализации Стратегии пространственного развития и разработке отраслевых стратегий, а также для обоснования дифференцированных инструментов поддержки (особые экономические зоны, преференциальные режимы, повышенные нормативы бюджетных трансфертов).

В мониторинге региональной политики регулярный пересчёт индекса позволяет оценивать, приводят ли принимаемые меры к росту потенциала положения (например, через развитие транспортной инфраструктуры) и снижению уязвимости (через диверсификацию связей, обеспечение связности с основной территорией).

В научных исследованиях индекс создаёт основу для проверки гипотез о влиянии положения на развитие: сопоставление ИПП с показателями экономического роста, инвестиционной активности, миграции позволяет оценить, в какой мере пространственные преимущества трансформируются в реальные результаты, и выявить факторы, блокирующие такую трансформацию.

В обосновании инвестиционных решений субиндексы могут применяться для оценки логистических, рыночных и политических условий размещения производств, особенно экспортно-ориентированных и транзитных.

Предлагаемый подход имеет ряд ограничений, требующих осознанного отношения при интерпретации результатов:

1) *Субъективность весов и балльных оценок.* Ряд показателей (статус соседних государств, близость к конфликтам, военно-стратегическое значение) не имеет объективного измерителя и оценивается экспертно. Снижение субъективности достигается формализацией шкал, привлечением широкого круга экспертов и анализом чувствительности результатов к изменению весов.

2) *Проблема масштаба.* Индекс рассчитывается на уровне субъекта Федерации, тогда как геостратегические свойства могут резко различаться внутри региона (например, приграничные и внутренние муниципалитеты). Для крупных регионов (Красноярский край, Якутия) региональный уровень оценки может оказаться слишком грубым. Перспективным представляется расчёт индекса на муниципальном уровне для отдельных геостратегических территорий.

3) *Компенсационный эффект агрегирования.* При аддитивной свёртке высокие значения одних субиндексов компенсируют низкие значения других, что может скрыть критические ограничения. Частичным решением является использование позиционной формы и анализ профиля субиндексов, а не только интегрального значения.

4) *Историческая обусловленность интерпретации.* Оценка «выгодности» положения всегда производится с точки зрения определённой геоэкономической конфигурации. Индекс, рассчитанный на данных 2013 года, показал бы Калининградскую область и приграничные регионы Северо-Запада как наиболее выгодно расположенные; расчёт на данных 2024 года выявит их высокую уязвимость. Это не недостаток метода, а его свойство: индекс измеряет положение в конкретный момент, и его ценность возрастает при анализе динамики.

5) *Ограниченность статистической базы.* Ряд рекомендуемых показателей (доля транзитно-зависимых грузопотоков, барьерность границ, зависимость от импорта критических товаров) не публикуется в стандартной статистике и требует специальных расчётов либо экспертных оценок.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Пространственное положение региона является самостоятельным и во многом определяющим фактором его развития, что нашло теоретическое обоснование в концепции экономико-географического положения, моделях новой экономической географии и геополитических теориях, а нормативное признание – в категории «геостратегические территории» Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Однако до настоящего времени отсутствовал инструмент количественной, сопоставимой и воспроизводимой оценки геостратегического положения, что затрудняло обоснование дифференцированной региональной политики.

Геостратегическое положение региона имеет двойственную природу: одни и те же свойства (приграничность, приморское положение, транзитность) могут выступать одновременно источником преимуществ и источником уязвимости. Это требует отдельного измерения потенциала положения и его уязвимости с последующим сопоставлением, а не механического суммирования.

Ключевым свойством геостратегического индекса является его динамичность: субиндекс уязвимости способен изменяться радикально за короткий период, что подтверждается опытом Калининградской области, Крыма и приграничных регионов европейской части России после 2014 и 2022 годов. Это обуславливает необходимость регулярного пересчёта индекса и его использования в режиме мониторинга, а не единовременной оценки.

В целом геостратегический индекс может рассматриваться как инструмент перевода категории «геостратегические территории» из декларативной в аналитическую плоскость,

позволяющий связать признание особого положения региона с измеримыми характеристиками, дифференцированными мерами поддержки и оценкой их результативности. В условиях, когда пространственное положение России и её регионов в мировой системе переживает глубокую трансформацию, такой инструмент приобретает не только научное, но и практическое значение.

Список источников

1. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 107–125.
2. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.
3. Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 967–980.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.
5. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М. : Новый хронограф, 2009. – 372 с.
6. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск : Ойкумена, 1999. – 256 с.
7. Кузнецова О.В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2014. – № 2. – С. 3–8.
8. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 479 с.
9. Бухвальд Е.М. Федеральные территории как новация политики пространственного развития в Российской Федерации / Е.М. Бухвальд // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 3(157). – С. 44–46. – DOI 10.24158/tipor.2021.3.7.
10. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения. – М. : Наука, 2012. – 432 с.
11. Saaty T.L. The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation. – New York : McGraw-Hill, 1980. – 287 p.

Сведения об авторе

Оботуров Владимир Анатольевич, Ставропольский колледж экономики и дизайна, преподаватель экономических дисциплин, Россия, г. Ставрополь

Information about the author

Oboturov Vladimir Anatolyevich, Stavropol College of Economics and Design, lecturer of economic disciplines, Russia, Stavropol.